

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4501.

Воскресенье, 3го Января, 1899 г.

№ 4501.

ДУЭТЬ.

Матильды Серао.
(Съ итальянскаго).

Подруги, здороваясь по неаполитанскому обычаю, весьма сердечно расцѣловались. Вошедшая Джіованна, замужняя, молчала и только тяжело дышала, — повидимому, лѣстница нѣсколько утомила ее; Марія же, молодая дѣвушка, це выпускала руки подруги изъ своей, говорила съ пріятной улыбкой.

— Какъ я счастлива, что вижу тебя, дорогая Джіованна! Ты прекрасно сдѣлала, пріѣхавъ навѣстить меня.

— Да, моя птичка, — сказала Джіованна и, нѣжно дотронувшись до подбородка Маріи, слегка подняла ея голову, чтобы прямо посмотреть ей въ глаза. — Видишь ли, едва только пріѣхавъ въ Неаполь, я раньше всего являюсь навѣстить тебя. Правду говоря, я слишкомъ долго засидѣлась въ нашемъ замкѣ, такъ что позволила себѣ даже нѣсколько впасть въ меланхолію...

— Ха! ха! ха! Ты... и меланхолія!.. — прервала ее Марія. — Ты несомѣнно шутишь, Джіованна!.. Наконецъ этого вовсе незамѣтно на тебѣ: взглядъ твой ясенъ и спокоенъ, ты свѣжа и румяна; глаза твои блестятъ чуднымъ огонькомъ... И право...

— Да, да, ты права, я совершенно счастлива, и... если хочешь, даже совершенно довольна своею участіемъ, — прервала Джіованна съ нѣсколько скептической гримасой, которую можно было бы принять за улыбку; — наконецъ, я хочу говорить не о себѣ, а о тебѣ, моя птичка. Я пріѣхала къ тебѣ, чтобы изъ собственныхъ твоихъ устъ услышать, какъ ты провела время, что мы съ тобою не видались, то есть съ самаго юля? Хорошо ли ты провела время и о чемъ ты умала? (ловомъ, я желаю услышать отъ тебя

подробный рассказъ и длинный, какъ тѣ, о когорыхъ просятъ маленькія дѣти. Итакъ, начинай, моя прелестная Шехеразада, я слушаю тебя.

— Что мнѣ тебѣ рассказывать? Августъ я пробыла въ Кастелларэ, осень — въ Сорренто, вотъ и все...

— А съ перваго октибра, снѣжора?

— Въ Неаполь.

— А дальше что? — небрежно прервала его Джіованна.

— Какъ это дальше?

— Рассказывай, что ты дѣлала во всѣхъ этихъ мѣстахъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло? Ладно, расскажу сейчасъ.

— Въ Кастелларэ я принимала морскія ванны, купалась и плавала... наконецъ, танцевала много, очень много. Въ Сорренто я совершала безконечныя прогулки и верхомъ, и пѣшкомъ, и въ каретѣ; много читала и занималась музыкой; часто восхищалась восходомъ солнца, или звѣзднымъ небомъ... и тоже танцевала.

— Ну, а здѣсь что ты подѣлываешь?

— Здѣсь? Почти то же.

— И больше ничего?

Ничего новаго, моя красotka?

— Ничего, Джіованна.

Джіованна закусила губы; неудовольствие начало овладѣвать ею. Очевидно, Марія не желала посвятить ее въ свои тайны.

— А теперь, Джіованна, твой очередь. Расскажи-ка, что ты подѣлывала все это время?

— сказала Марія.

Ничего необыкновеннаго. Купальный сезонъ я провела въ окрестностяхъ Ливорно, гдѣ ничего интереснаго не произошло въ моей жизни.

— А хороши окрестности Ливорно?

— Хороши, чудо какъ хороши!

— Такъ почему же ты не нашла тамъ ничего интереснаго?

— Почему? Потому, что тамъ все слишкомъ прекрасно, такъ прекрасно, что всѣ другія мѣстности въ сравненіи съ Ливорно покажутся невыносимо скучными. Какъ поэтически бурно бываетъ тамъ море! А когда оно тихо и спокойно, оно еще прекраснѣе, — я приходила отъ него въ невыразимый восторгъ!

— И, несомѣнно — вмѣстѣ съ твоимъ мужемъ?

— Съ мужемъ! Ничего подобнаго мнѣ даже и не слось! Прежде всего Луиджіо терпѣть не

Санъ-Стефано. — Открытіе памятника русскимъ воинамъ, павшимъ въ русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

— Ага! въ Неаполь!

— Да, въ Неаполь.

Это трижды повторенное слово какъ-то странно звучало какъ въ вопросѣ, такъ и въ обоихъ отвѣтахъ.

Наступило молчаніе.

— Ага! въ Неаполь!

— Да, въ Неаполь.

— И, несомѣнно — вмѣстѣ съ твоимъ мужемъ?

— Съ мужемъ! Ничего подобнаго мнѣ даже и не слось! Прежде всего Луиджіо терпѣть не

Санъ Стефано.—Великій Князь Николай Николаевичъ на открытіи памятника русскимъ воинамъ.

могетъ моря, а потомъ...—я должна сказать тебѣ это...—всѣ мужья одарены однимъ общимъ недостаткомъ, а именно: они ненавидятъ все то, что любятъ ихъ жены. Сколько разъ между нами происходили споры, хотя бы напимѣрь изъ-за музыки Бетховена. И споры эти были часто очень ожесточенные. Ты хорошо знаешь: мужъ мой флегматикъ, а же—женщина необыкновенно нервная!

— Неужели ты несчастлива съ своимъ мужемъ?

— Ахъ, счастлива! Есть вещи, о которыхъ лучше всего не спрашивать совершенно. Насъ, молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ обыкновенно выдаютъ замужъ родители...

— Но ты вѣдь любила Луджіо и по любви вышла за него?

— Любила! Вышла по любви! Ничуть! Онъ только нравился мнѣ... и ничего болѣе. Онъ такъ красивъ, такъ элегантно выгляделъ во фракѣ, такъ великодушно танцевалъ вальсъ и такъ неподобно дирижировалъ котильономъ! А какъ онъ любилъ меня! Все это было чѣмъ-то чарующимъ, волшебнымъ... «Все было тамъ наощебъ: и плачь, и рыданіе, и отчаяніе, все, что захочешь». А знаешь ли ты, какое сильное впечатлѣніе такіе вещи производятъ на сердце молодой дѣвушки?

— И что же затѣмъ?

— Затѣмъ? Мы повѣчались, и конецъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— То, что теперь я уже не интересуюсь тѣмъ, какъ онъ носитъ фракъ, такъ какъ я чаще всего вижу его въ домашнемъ халатѣ, а вальса онъ уже со мной не танцуетъ. Со дня его женитьбы я не знаю, куда дѣлалъ его плачь, его рыданіе, его отчаяніе! Онъ увѣренъ въ моей любви къ нему и вѣрности, и сдѣлательно...

— А для тебя всего этого еще недостаточно? Развѣ его увѣренность—не доказательство искренней любви?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Всего этого мнѣ мало. Легко можетъ наступить день, когда подъ впечатлѣніемъ такого невозмутимаго, спокойнаго равнодушнаго мужа, подъ впечатлѣніемъ его довольной мины побѣдителя, въ женѣ можетъ пробудиться чувство недобраго раздраженія.

— Но вѣдь спокойствіе и глубокая взаимная вѣра—опоры супружескаго счастья!..

— Нѣтъ, дѣтъ! Это неправда! И такое именно раздраженіе увеличивается по мѣрѣ того, какъ этотъ человекъ, этотъ мужъ, нестѣсняясь ничѣмъ, начинаетъ становиться все болѣе и болѣе равнодушнымъ къ женѣ своей, пренебрега-

Молочная ванна.

...бми средствами, чтобы приковать, привязать къ себѣ, не старается нравиться ей, не думаетъ о томъ, чтобы въ глазахъ ея оставался умѣйшимъ, благородѣйшимъ и—что важнѣе всего—наиболѣе влюбленнымъ въ нее человекомъ... — Ты, очевидно забываешь, Джіованна, что жена—вовсе не любовница!

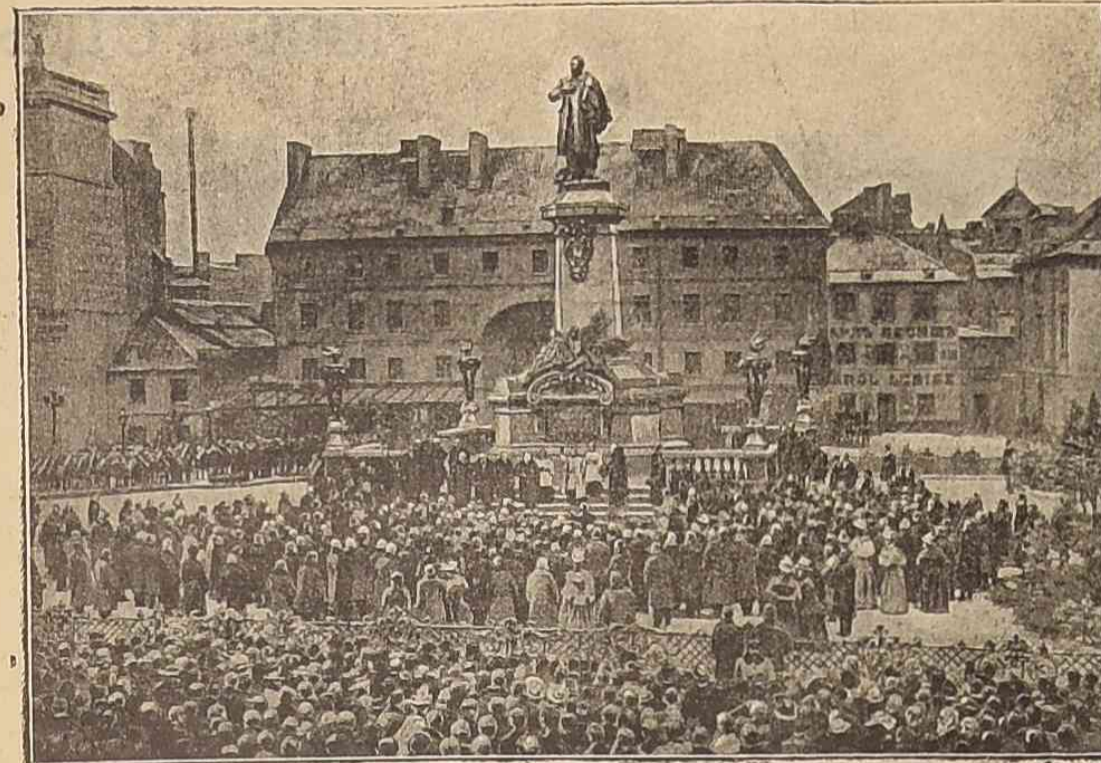
— Э, много ты понимаешь въ этомъ, дитя! Луджіо любилъ меня до вѣчна... Теперь же онъ пересталъ любить меня и пересталъ потому только, что онъ увѣренъ въ моей любви...

— Мнѣ кажется, дорогая Джіованна, что ты слишкомъ строга къ нему; любовь прежде всего должна быть разуздительна и учить насъ все прощать.

— Нѣтъ, никогда! Любовь прежде всего должна быть справедлива. Сознайся сама: развѣ я теперь менѣе красива, чѣмъ раньше? Не та ли я самая дѣтущая и полная очарованія Джіованна? И вѣдь та же, какою была всегда, и если кто изъ насъ двоихъ измѣнился, то безусловно—только онъ. Наконецъ, я еще въ мартѣ замѣтила нѣкоторую холодность въ его чувствахъ ко мнѣ, теперь же я ничего отъ него не вижу, кромѣ совершеннаго равнодушія.

— Но ошибаешься ли ты, Джіованна? Убѣдилась ли ты въ справедливости своихъ подозрѣній?

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Сама посудись! Ты вѣдь знаешь, какъ я люблю море, такъ вотъ, не желая проводить лѣто въ Неаполѣ, я рѣшаюсь ѣхать въ Ливорно; разумѣется, что и онъ ѣдетъ со мною, но крайне неохотно, и тамъ

Варшава.—Открытие памятника Адаму Мицкевичу.

онъ... все время скучалъ, бранился по поводу того, что ему не нравились соленая ванна и наждакъ шагу, ничѣмъ не стѣсняясь, выражалъ свое неудовольствіе.

— Почему же вы въ такомъ случаѣ не выѣхали оттуда?

— Тамъ я должна была призвать себя побѣжденной и покорно склониться предъ его волей!

— Если кого любить, ничего не стоить сдѣлать любимому человеку какую-либо уступку.

— Такъ по твоему, всѣ уступки должны быть сдѣланы мною? Развѣ мы, женщины, должны быть всегда образцами самопожертвованія? Мы должны только любить, должны безъ ропота сносить всякія неприятели и оправдывать глупыя и свѣнныя капризы нашихъ мужей и всѣми средствами поддерживать то заблужденіе, что мы будто-мы ими любимы... и наконецъ, искать оправданія ихъ равнодушію къ намъ! О, нѣтъ, нѣтъ! Signora mia! Этого было-бы слишкомъ, чѣмъ была бы черезъ чуръ переполнена!..

— Да,—продолжала послѣдняя,—тяжело, печально и странно такое начало брачной жизни съ человекомъ, съ которымъ раньше не связывала насъ ни тѣсная дружба, ни даже хотя бы короткое знакомство. Боже милосердый!..

Много, много въ этомъ свѣтшаго, но къ несчастію, нѣтъ недостатка и въ трагическомъ! Горекъ тотъ день, въ который мы начинаемъ забывать то и другое! Въ этотъ ужасный день мы дѣлаемъ страшное открытіе! Глаза наши, наконецъ, открываются, и мы видимъ, что у насъ нѣтъ уже болѣе любви къ этому человеку!

— Охъ!—застонала Марія слово ее что то бѣззвонно козынуло, и закрыла лицо руками.

— Да, нѣтъ у насъ болѣе любви къ нему. Что же остается тогда? Тогда всѣ качества, всѣ недостатки этого нелюбимаго человека, нашего мужа, открываются передъ нами во всей своей наготѣ, становясь для насъ ненавистными, отвратительными. Все въ немъ дѣйствуетъ на насъ отталкивающе, равно какъ все въ насъ отталкиваетъ его. Наконецъ, доведенная до отчаянія, мѣня въ душѣ множество незатронутыхъ еще ощущеній, чувствуя потребность дать пиццу этимъ ощущеніямъ,—мы начинаемъ искать любви за домашнимъ очагомъ!..

— За домашнимъ очагомъ!..

— Да, въ чѣмъ нибудь сердцѣ, которое было бы способно понимать насъ, отвѣчать нашей жадѣ любви и быть любимымъ!.. А такое

сердце всегда найдется подъ рукою... Такое сердце всегда готово на всякія жертвы, всегда по-этично, прерасно и полно рыцарства... И какой же мужъ въ состояніи выдержать сравненіе

съ тѣмъ, другимъ, увѣнчаннымъ ореоломъ поэзіи? Тотъ, другой умѣетъ любить, сходитъ съ ума и ничего не видитъ въ страсти... Женщина-же, слѣдя закону необходимости, переставъ любить мужа, начинаетъ любить этого другого... и такъ какъ совершенно не любить женщина не можетъ, то этотъ другой становится избранникомъ ея сердца. Такъ представъ себѣ, дитя, съ какою отчаянною страстью женщина отдается этому другому, въ которомъ соединяются все блаженство взаимной любви и вся горечь преступленія!.. (Отчаяніе и блаженство!.. Представъ себѣ все это и скажи: возможно-ли, чтобы женщина, которая погубила себя на всю жизнь для этого мужчины, уступила его какой-либо другой женщинѣ подъ солнцемъ?..

Джіованна внезапно замолчала. Ревность, злоба и страсть душили ее.

Нѣсколько успокоившись, она поднялась съ кресла и, выпрямившись, спросила:

— Ну, скажи, Марія, выходишь ли ты замужъ за Роберта Монтефиора?

— Да.

— А почему?

— Потому, что я люблю его.

И обѣ подруги, одинаково влюбленные, одинаково придавленные отчаяніемъ, оглядѣли одна другую съ ненавистью двухъ закалтыхъ, непримиримыхъ враговъ.

Романсъ безъ словъ

Mod^o languoso

PIANO

ЯНВАРЬ

1899 ГОДЪ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

ГАЗЕТА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ, НАУЧНАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ.

В. П. В. С. Ч. Л. С.

					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

Подписка принимается:
 Въ Одессѣ, въ Главной конторѣ — Лацкероповская, д. № 31). Телефонъ № 230

Подписная цѣна на «Одесскія Новости».

Въ Одессѣ.	Безъ доставки:	Съ доставкой:	Съ пересылкой въ другіе города:
На годъ —	8 р. — к.	9 р. — к.	10 р. — к.

Въ 1899 г. будетъ помѣщенъ романъ «КАЛЕИДОСКОПЪ» соч. В. Я. Сзѣтлова.